

Когда Цяо Муюй вышел из душа, от закатного солнца на краю небосвода остался лишь последний бледно-жёлтый хвостик.

Спустя совсем немного времени сгустились сумерки.

На улице зашелестел осенний сиверко, и температура по сравнению с дневной заметно упала — вечерний ветер, овевавший тело, принёс с собой лёгкую прохладу.

Цяо Муюй накинул лёгкую куртку, вышел из дома и неторопливо покатил на велосипеде к условленному месту встречи.

Родители Ху Цзюня держали в городе Наньцзянь небольшой ресторанчик. Заведение было скромным по масштабам, но славилось хорошей кухней и отличным обслуживанием.

Каждый раз, когда в первом классе намечался какой-нибудь сабантуй, всё устраивалось именно здесь: это было чрезвычайно удобно и избавляло от лишних хлопот. Этот раз не стал исключением.

В тот самый момент, когда Цяо Муюй парковал велосипед у дверей ресторанчика, как раз подоспел Ду Цзинфэй, и парни вместе направились к банкетному залу.

Толкнув дверь и войдя внутрь, они обнаружили, что несколько одноклассников уже сидят там, лузгают арахис и ведут ленивую беседу.

— Пришли?

Ху Цзюнь, заметив Цяо Муюя и Ду Цзинфэя, с видом полноправного хозяина махнул им рукой:

— Падайте на любые свободные места, не стесняйтесь.

Договорив, он взял стоявшую рядом пустую чашку и принялся наливать ячменный чай. Ду Цзинфэй, увидав это, тут же перехватил её и жадно сделал большой глоток:

— Какая работа! Откуда ты узнал, что меня жажда мучает?

Ху Цзюнь рявкнул:

— Сгинь! Я старосте наливал, а не тебе!

Цяо Муюй проигнорировал шутливую перепалку этих двоих и преспокойно устроился на свободном стуле неподалёку от двери.

Ду Цзинфэй следом скинул куртку и повесил её на спинку соседнего пустующего стула, тем самым застолбив за собой место, после чего отлучился в туалет.

Вскоре Цяо Муюй услышал за спиной шорох открываемой двери. Он на автомате обернулся и увидел появившегося на пороге Лу Чжэня.

Тот, судя по всему, тоже только что принял душ и переоделся в чистую, опрятную повседневную одежду. Его едва просохшие чёрные пряди волос выглядели свежими и пушистыми, слегка прикрывая глаза. Когда он подошёл ближе, Цяо Муюй уловил исходивший от него тонкий, едва заметный аромат шампуня.

Не успел Цяо Муюй даже поздороваться, как Лу Чжэнь без лишних слов протянул руку и отодвинул тот самый пустой стул рядом с ним.

— Эй, погоди, это же...

Цяо Муюй хотел было сказать, что это место Ду Цзинфэя, но Лу Чжэнь уже сел и, повернув к нему голову, спросил:

— Что?

Цяо Муюю стало неловко прогонять его, поэтому он проглотил свои слова:

— Да ничего.

Спустя две минуты Ду Цзинфэй вернулся из уборной и обнаружил, что на заранее забитом им месте восседает живой человек столь внушительных габаритов.

Он подошёл ближе, похлопал Лу Чжэня по плечу и вежливо напомнил:

— Прости, брат Лу, но это моё место.

Лу Чжэнь, услышав это, даже не подумал подняться и уступить стул. Он лишь слегка повёл подбородком, указывая на противоположную сторону стола:

— Вон там же есть свободные места.

Ду Цзинфэй поперхнулся словами. На его лице крупными буквами было написано: «Ну да, ты и сам прекрасно видишь, что вон там полно свободных мест! Так какого хрена тебе приспичило занять именно моё?!»

Не успел он вставить слово в свою защиту, как в зал вошёл Ху Цзюнь с двумя спиртовыми горелками в руках. Увидев, что Ду Цзинфэй загораживает проход для выноса блюд, он тут же прикрикнул на него:

— Ду Цзинфэй, чё ты тут застыл как истукан? Быстро ищи, где приткнуться, не мешай мне!

— Оу.

Ду Цзинфэйю ничего не оставалось, кроме как покорно отступить на пару шагов в сторону.

Видя, что Лу Чжэнь с чистой совестью продолжает оккупировать его стул, а его лучший друг Цяо Муюй в этот момент увлечённо шушукается с сидящей по другую сторону от него Сюй Жунцань, совершенно не обращая внимания на происходящее, Ду Цзинфэй с тоской посмотрел на его безжалостный затылок. В конце концов ему оставалось лишь тихонько вздохнуть про себя.

«Эх, ладно. Подумаешь, всего лишь стул. Принимая во внимание, сколько чести Лу Чжэнь принёс первому классу за эти два дня, не стану с ним считаться».

И он с неохотой отправился занимать свободное место на противоположной стороне.

Тем временем Цяо Муюй вовсю слушал свежие сплетни со спортивного фестиваля от Сюй Жунцань, совершенно не подозревая, какую глубокую обиду только что нанесли его лучшему другу.

Увлечённо слушая рассказ, он на автомате протянул руку к стоявшему перед ним маленькому блюду с сушёным боярышником, но пальцы наткнулись на пустоту.

Цяо Муюй невольно устыдился: он и сам не заметил, как умудрился смлотить всё до последней дольки.

Впрочем, он действительно проголодался: всю вторую половину дня мотался по стадиону и толком ничего не ел, а теперь, поддавшись манящим ароматам готовой еды, витавшим по всему ресторану, его желудок заурчал ещё жалобнее.

Основные блюда подавать пока не начали, на столе стояло лишь несколько бутылок с напитками да пара традиционных для заведения тарелочек с закусками вроде арахиса и боярышника. Однако всё это уже было практически под чистую съедено одноклассниками. Единственная оставшаяся порция сушёной пастилы из слив сиротливо покоилась на противоположной стороне круглого вращающегося стола, куда было не дотянуться.

Цяо Муюй с детства обожал кисло-сладкие лакомства и всякий раз, когда они попадались ему на глаза, не мог устоять, набивая ими половину желудка ещё до обеда.

Он невольно бросил в ту сторону несколько красноречивых взглядов, но крутить стол ради одной тарелочки постеснялся.

Ладно, можно и потерпеть, скоро ведь начнут кормить.

Едва он об этом подумал, как чья-то ладонь с чётко очерченными суставами опустилась на стеклянную поверхность круглого стола и плавно крутанула его, пока блюдо с пастилой ровно и чётко не остановилось прямо перед Цяо Муюем.

Лу Чжэнь пододвинул тарелочку ещё ближе к нему и негромко произнёс:

— Ешь.

Цяо Муюй опешил:

— А?

Лу Чжэнь добавил:

— Ты же на неё так пристально смотрел.

Цяо Муюй:

— ...

«Как стыдно, меня раскусили!»

Его мочки ушей мгновенно заалели. Сдавшись на волю судьбы, он сгрёб горсть пастилы, засунул в рот и невнятно пробормотал:

— Я тя поблагодарил.

Следом над самым его ухом раздался тихий смешок:

— Не за шта.

Цяо Муюй демонстративно отвернулся, не желая больше на него смотреть.

Как раз в этот момент Ху Цзюнь вместе с последним припозднившимся одноклассником

толкнул дверь и вошёл в зал.

Видя, что все в сборе, Ду Цзинфэй принялся с грохотом колотить палочками по пиале, поторапливая хозяина:

— Спортторг, спортторг, спортторг! Почему еду ещё не несут? Я сейчас с голоду помру!

— Вот-вот!

Остальные тоже заждались и тут же дружно зашумели в унисон, готовые едва ли не сию секунду ворваться на кухню, чтобы утащить хоть какой-нибудь кусок.

— Уже скоро, уже несут! В пятницу вечером всегда полно народу, ребята, без паники, я сейчас пойду ещё разок пхну поваров!

Бросив эти слова, Ху Цзюнь снова испарился как не бывало.

— Знал бы, что придётся так долго ждать, захватил бы с собой колоду карт, — сокрушался Ду Цзинфэй.

— Каких ещё карт? Редко когда удаётся собраться такой большой компанией, давайте лучше сыграем в «Правду или действие»? — предложила Сюй Жунцань.

Хуан Чжэнсэнь, желая поддержать инициативу, вскинул руку:

— О, давайте, я за!

Однако сидевший рядом Ду Цзинфэй тут же положил ему руку на плечо и с глубоким вздохом наставительно произнёс:

— Дружище, послушай моего доброго совета: никогда в жизни не играй с этой женщиной в такие игры. Задания, которые она придумывает для «действия», каждый раз граничат с полнейшим безумием. Ты не потянешь эту ставку.

Хуан Чжэнсэнь посмотрел в полные абсолютной искренности глаза Ду Цзинфэя, словно прочитал в них бесчисленное множество былых неописуемых страданий, и тут же со свистом опустил руку, решив не рисковать:

— Тогда, может, выберем другую игру?

Цяо Муюй в своё время тоже натерпелся от этих забав и очень опасался, что Сюй Жунцань под

шумок заставит выполнять какие-нибудь невыполнимые вещи. Поэтому он поспешно перехватил инициативу:

— Как насчёт «Я никогда не»? Но чисто ради развлечения, пока ждём еду. Проигравшему ничего не будет, без наказаний.

— А тому, кто в итоге победит, полагается какая-нибудь награда?

— Пускай победитель сегодня просто не скидывается на оплату счёта, идёт?

— Идёт!

Никто не стал возражать. Награды и штрафы были не важны, главное хоть как-то скоротать время до ужина.

Пока все с азартом готовились к игре, Лу Чжэнь вдруг слегка коснулся локтя Цяо Муюя и тихо спросил:

— А как в это играть?

Цяо Муюй немного удивился:

— Ты никогда ни с кем не играл?

Лу Чжэнь:

— Нет.

— Это очень просто, — Цяо Муюй вполборота повернулся к нему, начиная объяснения, — малыш Лу, пожалуйста, протяни руку.

Лу Чжэнь послушно раскрыл ладонь перед ним.

— Смотри, наши пять пальцев символизируют пять жизней. Сейчас по очереди каждый будет называть какое-то событие, которое с ним случалось. Если у остальных этого в жизни никогда не было, они должны загнуть один палец.

Цяо Муюй, продолжая объяснять, мягко взял Лу Чжэня за указательный палец и плавно прижал его к ладони.

От прикосновения к подушечкам пальцев по руке разлилось лёгкое, прохладное чувство щекотки. Лу Чжэнь опустил ресницы и сдержанно выдавил:

— Угу.

— А если у кого-то тоже такое было, то палец загибать не нужно. И так до тех пор, пока у кого-то не закончатся все пять пальцев — этот человек выбывает. Кто останется последним с поднятыми пальцами, тот и победил.

Закончив объяснения, Цяо Муюй поднял на него глаза:

— Всё понял, малыш Лу?

Лу Чжэнь слегка потёр подушечки пальцев, где, казалось, всё ещё сохранялось чужое тепло:

— Да, понял.

В этой игре крайне важно было захватить преимущество с самого начала.

Ради справедливости решили крутить бутылку из-под минералки: на кого укажет горлышко, тот и начинает.

В итоге право первого хода вытянул Хуан Чжэнсэнь.

Под пристальными взглядами всей компании он поднялся с места, демонстративно откашлялся и с ходу выкатил тяжёлую артиллерию:

— Я встречался с девушкой!

— Блин!

Вся честная компания с руганью загнула по одному пальцу, не спасся никто.

— А по тебе и не скажешь, ну ты и шифровальщик, — выдохнул кто-то.

Ду Цзинфэй же моментально воспользовался моментом, чтобы настучать:

— Староста, я заявляю на него! Это ранние отношения!

Хуан Чжэнсэнь только сейчас сообразил, что мимоходом выдал сам себя, и поспешно замахал руками:

— Да нет же, нет! Это дела давно минувших дней, мы сто лет как расстались! У меня сейчас вообще нет никаких мирских желаний!

За столом раздался дружный хохот.

То ли под влиянием такого не совсем приличного старта от Хуан Чжэнсэня, то ли ещё почему, но следующие два участника продолжили крутиться вокруг той же темы.

Один заявил: «Я держался за руку с противоположным полом», а второй выдал: «Я писал кому-то любовное письмо».

У Цяо Муюя опыт в этой сфере был абсолютно нулевым, так что он в мгновение ока схлопотал три поражения подряд, чувствуя себя донельзя ущемлённым.

Он повернул голову, чтобы проверить, как дела у остальных, и с облегчением обнаружил, что сидящий рядом Лу Чжэнь точно так же лишился трёх жизней. На душе сразу стало спокойнее от мысли, что он не один такой.

Он поднял глаза и пересёкся взглядом с Лу Чжэнем. Цяо Муюй уже собирался было выдать дежурную фразу в духе «товарищи по несчастью», чтобы проявить вежливость, но заметил, что на лице парня нет ни капли уныния, а в глазах пляшут едва уловимые смешинки.

Цяо Муюй не понял:

— Ты чего улыбаешься?

Лу Чжэнь мазнул взглядом по его двум оставшимся пальцам и едва заметно повёл уголком губ:

— Да так, ничего.

Цяо Муюй решительно не понимал, чему тут радоваться: человек стоит в шаге от вылета, а у него ни малейшего чувства опасности.

Пусть это была всего лишь безобидная застольная забава, но у Цяо Муюя, страдавшего запущенной формой перфекционизма, жизненное кредо всегда оставалось неизменным: раз уж игра началась, нужно во что бы то ни стало занять первое место.

К тому же перспектива не платить за ужин сама по себе была для него весьма заманчивой.

К счастью, следующие двое ребят назвали события, связанные со школьной жизнью. Цяо Муюй через всё это проходил, а потому умудрился сберечь свои последние два пальца.

Наконец очередь дошла до сидящего рядом с ним Лу Чжэня.

Тот, похоже, давно заготовил свой козырь и с абсолютным спокойствием озвучил ответ:

— В старшей школе я занимал первое место на параллели по результатам экзаменов.

— ...

За столом на полсекунды повисла гробовая тишина, после чего зазвучал дружный стон и завывания.

Цяо Муюй, оказавшийся единственным выжившим после этой ковровой бомбардировки, облегчённо выдохнул и мысленно поставил Лу Чжэню жирный плюс.

— А-а-а-а, брат Лу, это предвзятость! — в истерике завопила Сюй Жунцань, у которой оставалась последняя жизнь, — ты же прекрасно знаешь, что кроме старосты никто из нас никогда не занимал первое место!

— Ладно-ладно, назвался груздем — полезай в кузов, — обречённо потёр лоб Ду Цзинфэй, — давай дальше. Муюй, твоя очередь.

Цяо Муюй, услышав своё имя, на секунду растерялся и выдал довольно слабый ответ под копирку:

— Я... занимал второе место на параллели?

Стоило ему это озвучить, как стол взорвался недовольным гулом.

— Эй-эй-эй, староста, ну так играть неинтересно! Я тогда могу сказать, что занимал 66-е место на параллели! Такое красивое число, кто-нибудь из вас занимал его?!

— Ладно, хорошо, я поменяю, — Цяо Муюй признал, что его маневр действительно смахивал на жульничество, и, отбросив попытки схитрить, задумался, — тогда так: я выступал в качестве представителя учеников с речью на церемонии открытия учебного года.

После этого заявления у ребят не осталось никаких сил и аргументов для борьбы: все дружно загнули последние пальцы и превратились в зрителей.

Окинув взглядом стол, компания обнаружила, что на поле боя остались только Цяо Муюй и Лу Чжэнь, и у каждого из них оставалось строго по одной жизни.

Игра подошла к критической точке, и атмосфера вокруг стола как-то сама собой накалилась.

И по закону очереди ход снова перешёл к Лу Чжэню.

Цяо Муюй чувствовал, что находится в ситуации, когда инициатива полностью в руках соперника — препаршивое ощущение.

Что ещё хуже, его оппонентом был молодой господин из богатой семьи, повидавший виды, и его жизненный багаж явно был куда богаче. Да что там говорить, у самого Цяо Муюя в голове сейчас вертелось штук восемь фраз, которыми Лу Чжэнь мог бы уничтожить его в один миг.

Короче, с какой стороны ни посмотри, для него это был верный проигрыш.

Цяо Муюй мысленно смирился с неизбежным и приготовился принять достойную смерть.

Однако в следующую секунду он услышал, как Лу Чжэнь с абсолютно ровным видом выдал свой финальный ответ:

— Я получал максимальный балл за экзамен по математике.

Мизинец Цяо Муюя, который уже успел согнуться наполовину, судорожно выпрямился обратно.

Он медленно захлопал ресницами, почти сомневаясь, не ослышался ли он.

И... это всё?

Похоже, заметив тень сомнения на его лице, Лу Чжэнь невозмутимо уточнил:

— А ты?

Цяо Муюй моментально выпрямил спину. Гордо демонстрируя свой поднятый мизинец, он победоносно повёл бровью:

— Ну, вообще-то я тоже получал максимальный балл. Причём много раз.

— О, — Лу Чжэнь с абсолютно спокойным видом загнул свой последний палец, — тогда ты

победил.

Остальные:

— ...

— Поддавки! Это чистой воды поддавки! — снова издала истошный визг Сюй Жунцань, готовая, казалось, дойти с жалобой до самого директора.

— Да тут целое море поддавков! Я могу с ходу придумать десяток фраз, которыми можно было в пух и прах разнести Рыбку, — Ду Цзинфэй с головой ушёл в гипотетическую ситуацию и принялся загибать пальцы, — да хотя бы «я переводился из другой школы», «я брал три золота на спортивном фестивале», «меня каждый день привозит в школу личный водитель на люксовой тачке»... И после всего этого ты выдаёшь, что получал сотку по математике?! Да я эту сотку ещё в первом классе началки получал!

Лу Чжэнь не стал ни спорить, ни оправдываться, лишь небрежно бросил:

— Мне это просто не пришло в голову сейчас.

Компания окончательно затихла.

«Ага, так мы тебе и поверили».

Цяо Муюй, которому победа досталась задарма, не успел даже толком толкнуть триумфальную речь, как в зал ввалился Ху Цзюнь с двумя тарелками только что приготовленной горячей еды:

— Поберегись! Еда приехала!

Внимание ребят моментально переключилось, и все, точно стая голодных духов, набросились на еду, мгновенно позабыв про исходы только что закончившейся игры.

Цяо Муюй в этой суматохе с трудом умудрился выцепить аппетитное ребрышко. Немного поколебавшись, он в итоге переложил его в пиалу Лу Чжэня и тихо произнёс:

— Спасибо, что уступил мне победу сейчас.

Лу Чжэнь ответил:

— Пустяки. У меня найдутся деньги, чтобы заплатить за этот ужин.

У Цяо Муюя, который ещё секунду назад был полон искренней благодарности, внезапно возникло непреодолимое желание забрать это ребрышко обратно:

— ...

«Проклятье, опять он включил режим пафосного богача».

<http://bllate.org/book/17258/1691447>